

круглый год с **Литературой**

КВАРТАЛ ВТОРОЙ
ГЕННАДИЙ КРАСУХИН

Геннадий Красухин
Круглый год с литературой.
Квартал второй
Серия «Круглый год с
литературой», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21182076
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Больше сорока лет автор работал в литературной печати. Из них 27 лет с 1967 по 1995 в «Литературной газете», которую вместе с другими своими коллегами начинал как шестнадцатиполосное издание, какое в то время обрело бешеную популярность. 12 лет – с 1992 по 2006 автор возглавлял газету для учителей «Литература» Издательского дома «Первое сентября». Доводилось работать автору и редактором сценарной коллегии Государственного Комитета по кинематографии СССР, входить в редакционную коллегию журнала «Вопросы литературы. Как уже писал автор, в аннотации к первой книге (кварталу) своего календаря, цель, которую он преследует: дать читателю почувствовать художника, о котором идёт речь в календарной заметке. Судьбы писателей разные, но, увы, большей частью их всё-таки не назовёшь счастливыми. Немало писателей осталось

в литературе, но немало и будто канувших в небытиё. Впрочем, история литературы знает и случаи, так сказать, воскрешения писателя из небытия. Иногда с одной его книгой, или с одним его рассказом, или с одним стихотворением. И об этом вы прочтёте в книге – в этом литературном календаре.

Содержание

1 АПРЕЛЯ	5
2 АПРЕЛЯ	16
3 АПРЕЛЯ	22
4 АПРЕЛЯ	28
5 АПРЕЛЯ	33
6 АПРЕЛЯ	36
7 АПРЕЛЯ	37
8 АПРЕЛЯ	40
9 АПРЕЛЯ	42
10 АПРЕЛЯ	47
11 АПРЕЛЯ	49
12 АПРЕЛЯ	60
13 АПРЕЛЯ	68
14 АПРЕЛЯ	76
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Геннадий Красухин КРУГЛЫЙ ГОД С ЛИТЕРАТУРОЙ КВАРТАЛ ВТОРОЙ Календарь, частично основанный на мемуарах

1 АПРЕЛЯ

Конечно, символично, что наш великий сатирик Николай Васильевич Гоголь родился в День смеха или, как ещё называют этот праздник, в День дурака, – то есть 1 апреля 1809 года.

Предлагаю небольшой этюд, связанный с его комедией «Ревизор».

Скажите, пожалуйста, какой смысл Хлестакову клеветать на чиновников в своём письме приятелю Тряпичкину? «*Ты, я знаю, пишешь статейки*, – обращается к Тряпичкину Хлестаков: – *помести их в свою литературу*».

А он и не клеветает. Он просто описывает каждого, как

тот ему, Хлестакову, раскрывается. И передаёт его в этом виде Тряпичкину, надеясь, что тот каждого *«общёлкает хорошенько»*.

Итак!..

«Городничий – глуп, как сивый мерин». Ещё бы не глуп, если оказалось, что его так легко провести на мякине!

«Почтмейстер точь-в-точь департаментский сторож Михеев; должно быть, также, подлец, пьёт горькую». А уж департаментского сторожа Михеева Тряпичкин знает не хуже Хлестакова.

«Надзиратель за богоугодным заведением Земляника – совершенная свинья в ермолке». Гоголь, расписавший в *«замечаниях для господ актёров»* всех своих героев, вплоть до габаритов, знает, что Земляника предстанет перед Хлестаковым как *«очень толстый, неповоротливый и неуклюжий человек»*, которого Хлестакову легко вообразить свиньёй. Он и воображает. И надевает на свинью-Землянику ермолку. *«И неостроумно! – обиженно говорит Земляника... – где ж свинья бывает в ермолке?»* Нигде, конечно, не бывает. Кроме, как у Хлестакова, который не просто вообразил Землянику свиньёй, но надел на свиную голову – то ли кипу, в какой правоверные иудеи сидят в синагоге и не снимают во время еды, то ли головной убор знатного человека в Руси, то ли традиционную академическую шапочку. И в таком виде отправил Тряпичкину, которому, конечно, легко будет опознать в Землянике чванливую свинью.

А судья, которому льстят чиновники: *«У вас что ни слово, то Цицерон с языка слетел»*. Подтвердит ли такое мнение о нём Хлестаков, если судья только что не мычит от неумения начать и поддержать разговор с ним? Какой уж там Цицерон при подобной поразительной невоспитанности! *«В высшей степени моветон»* – ещё один типажик, готовый для тряпичкинской литературы.

Но что прикажете делать Тряпичкину с Лукой Лукичем, о котором он прочтёт в письме: *«Смотритель училищ протухнул насквозь луком»*. Как ни крути, но с такой характеристикой его *«в свою литературу»*, то есть в какой-либо фельетон не вставишь. На что ему этот провонявший луком типаж? Зачем вообще Хлестакову было сообщать о нём приятелю?

Ну, для того, наверное, чтобы подтвердить самого Гоголя, известившего о Хлестакове: *«несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове...»*. И там же – в тех же *«замечаниях для господ актёров»*: *«Он не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли»*. То есть, характеризуя Луку Лукича, Хлестаков, кажется, забыл, что пишет для Тряпичкина.

Услышав, что написал о нём Хлестаков, Лука Лукич божится зрителям: *«Ей-Богу, и в рот никогда не брал луку»*. Но мы ему в этом не поверим. Трудно представить, для чего Хлестакову понадобилась такая экзотическая выдумка.

Ну, а Луке Лукичу с какой стати было нажираться луку, если он собрался появиться перед таким начальником, выше

кого он никогда ещё не видел на свете?

Тем более что Лука Лукич очень выделяется среди чиновников, которых позвал Городничий в надежде, что сообщая им придумают, как справиться с поступившим ему *«пренеприятным известием»*. Выделяется тем, что, в отличие от других, не способен высказать своё мнение: слишком труслив Лука Лукич для этого.

Ведь не так уж и бояться поначалу таинственного ревизора подчинённые Городничего. *«Как ревизор?»* – откликнутся уведомляющему их Городничему судья и попечитель богоугодных заведений. *«Вот те на!»* – разовьёт своё удивление от известия Городничего судья Ляпкин-Тяпкин. *«Вот не было заботы, так подай!»* – вторит ему Земляника. И только Лука Лукич затрепещет от страха: *«Господи боже мой! ещё и с секретным предписанием!»*

А аргументы, которые находит каждый из них в пользу того, что не он первый должен представиться петербургскому вельможе, каким они считают Хлестакова? Такого аргумента, который находит для себя Лука Лукич, не находит больше никто. Потому что он, кажется, единственный персонаж, который не увиливает, но говорит чистую правду: *«Не могу, не могу, господа. Я, признаюсь, так воспитан, что заговори со мною одним чином кто-нибудь повыше, у меня просто и души нет и язык как в грязь увял»*.

Всего одним чином повыше!

Чистая, как я уже сказал, правда!

Именно, что страх Луки Лукича особенно понятен при рассмотрении чина, который он носит (а в «Ревизоре», представляясь Хлестакову, каждый чиновник называет, в каком он чине.) Лука Лукич в самом меньшем. Он – титулярный советник: чиновник IX класса – «ваше благородие» по формуле тогдашнего титулования. Судья коллежский асессор – чиновник VIII класса, почтмейстер и попечитель богоугодных заведений – надворные советники, чиновники VII класса; все трое – «ваше высокоблагородие».

Наверняка, надворным является и городничий. Недаром частный пристав в последнем действии и его называет «вашим высокоблагородием». Да и ироническое отношение почтмейстера к угрозе Городничего: «*Я вас под арест...*» весьма показательно «*Кто? Вы?*» – презрительно переспрашивает почтмейстер. «*Да, я!*» – храбрится Городничий. «*Руки коротки!*» – бросает почтмейстер, и Городничему на это ответить нечем.

Конечно, городничий мечтал бы стать «вашим высокородием», то есть статским советником – тоже всего одним чином повыше – последним, кстати, чином перед вожаемым им – генеральским. Но сделаться статским, возглавляя небольшой уездный город, – вещь, почти невозможная. Другое дело, если б городничий стоял во главе губернского. Но на это в пьесе нет даже намёка.

Может быть, пропасть между Лукой Лукичом (IX класс) и следующим чиновником (VIII класс) так же широка, как

пропасть между чином городничего (VI класс) и статским (V класс; ваше высокородие), но проскочить её титулярному было куда более жизненно важно, чем городничему стать «высокородием». У Луки Лукича дело шло не только, и – главным образом – не столько об амбициях.

Лука Лукич достиг титулярного. Этот чин равен армейскому капитану. Но он не давал права на потомственное дворянство.

Если Лука Лукич из разночинцев, то, достигнув титулярного, он получил личное, непотомственное дворянство. Это значит, что личной дворянкой становилась его жена, но дети только почётными гражданами. Они освобождались от подушной подати, рекрутской обязанности и телесных наказаний. Но дворянами не становились и своим детям в наследство дворянство не передавали. То есть внуки личного дворянина дворянства не наследовали.

Потомственное дворянство начиналось с VIII класса, *«всею одним чином повыше»*, чем на Луке Лукиче.

Ну, а если Лука Лукич – дворянин? И в этом случае достичь чина VIII класса – коллежского асессора ему будет очень нелегко. Дворянину для этого требовался университетский или лицейский диплом, или сдача соответствующего экзамена. Ведь с VIII класса чиновничество приравнивалось к штаб-офицерству, куда попасть было сложно.

Поэтому чтобы проскочить в коллежские асессоры, Лука Лукич готов заискивать перед всяким – *«всею одним чином*

повыше»!

Но позвольте. Вспомните, как встречает Хлестаков своих визитёров. Почти зевая от судейского «моветонства». Вспоминая департаментского сторожа Михеича, скорее всего, встретясь с охотным почтмейстерским поддакиванием. *«Нужно только, чтобы тебя уважали, любили искренне...»* – *«Совершенно справедливо»*. Радуюсь, кажется, словоохотливому Землянике, но, услышав в его сплетнях и кляузах самодовольное чванство. Конечно, свою дань «взаимы» он у каждого отбирает.

Так как же он их встречает? Предлагает вина, воды, фруктов?

Ну, не фрукты с вином, но всё же:

«— А, милости просим! Садитесь, садитесь. Не хотите ли сигарку? (Подает ему сигару.)»

Кому Хлестаковым предложена сигара? Судье? Попечителю богоугодных заведений? Почтмейстеру?

Нет, она предложена Луке Лукичу.

Но почему?

Потому что Хлестакову важно, чтобы закурил именно Лука Лукич?

Для чего?

Чтобы перебить запах, который Хлестаков учуял, едва зритель училищ появился в его комнате. О чём и уведомил своего петербургского приятеля Тряпичкина.

Зачем же Лука Лукич нажрался луку перед встречей с

Хлестаковым?

А помните судебного заседателя, о котором шла речь в начале комедии? *«...Он, конечно, человек сведущий, – резюмирует городничий, – но от него такой запах, как будто он сейчас вышел из винокуренного завода...»* «Он говорит, что в детстве мамка его ушибла, – защищает заседателя судья, – и с тех пор от него отдаёт немного водкою». Слышит ли их разговор Лука Лукич? Несомненно. «Секретное предписание», с которым должен появиться в городе чиновник, так напугало смотрителя училищ, что он, скорее, побоится пропустить что-нибудь для него важное из говорящего, будет улавливать и запоминать любую деталь, любую реплику. В том числе и реплику городничего: *«Есть против этого средства, если уже это действительно, как он говорит, природный запах: можно ему посоветовать есть лук, или чеснок, или что-нибудь другое».*

Лук, который перед визитом к чиновнику из Петербурга ел Лука Лукич, свидетельствует о настоящей буре, какая свирепствовала в его душе. Скорее всего, он решил выпить для храбрости. Выпил, возможно, немного, но немедленно испугался, что этим навредил себе ещё больше: Хлестаков может учуять винный запах.

Потому и схватился за лук, чтобы не дай Бог не показаться вельможной особе пьяницей!

Лука Лукич, кстати, обнаруживает, как мы должны отнестись к немой сцене комедии. В ответ на известие, сообщён-

ное жандармом, писал «господам актёрам» Гоголь *«вся группа должна переменить положение в один миг ока»*, а в ре-
марке пьесы добавил, что *«вся группа, вдруг переменивши по-
ложение, остаётся в окаменении»*. То есть становится кол-
лективным памятником себе, где каждый запечатлён таким,
каким он оказался в последний момент, внезапно выявляя
свою сущность. Как, например, Лука Лукич, раскрывший в
своей статуарности невероятную трусость – *«потерявшийся
самым невинным образом»*.

Гоголь умер 4 марта 1852 года.

* * *

Антон Семёнович Макаренко вопросами детского воспи-
тания занялся рано. По поручению Полтавского губнаробра-
за создал трудовую колонию для несовершеннолетних пра-
вонарушителей. В 1921 году колонии присвоено имя Горько-
го. В 1926 её перевели в Куряжский монастырь под Харько-
вом. Заведовал ею с 1920 по 1928 годы. С 1927 до 1935 был
одним из руководителей детской трудовой коммуны ОГПУ
имени Дзержинского под Харьковом, в которой продолжал
осуществлять на практике свою воспитательную систему, ка-
кой, кстати, очень интересовался Горький.

После книг о коммуне имени Дзержинского «Марш 1930
года» и «ФД – 1» (обе 1932) закончил своё главное произве-
дение «Педагогическая поэма» (1925–1935).

Суть педагогического метода Макаренко: *«Как можно больше требований к человеку и как можно больше уважения к нему»*.

Несмотря на поддержку Горького и других авторитетных деятелей культуры, Макаренко подвергался весьма острой критике. Во-первых, ему не верили. Во-вторых, чиновники провозгласили, что система Макаренко не есть система советская. В-третьих, склонная к мифологизму Крупская выступила на съезде комсомола с придуманным рассказом о якобы рукоприкладстве Макаренко, за что его после этого уволили из Колонии имени Горького.

С другой стороны, люди, доверившие Макаренко воспитание детей, защищали его и его методы воспитания. «Педагогическая поэма» выдерживает несколько изданий. Привлекает внимание читателей и роман Макаренко «Флаги на башнях» (1938), и его автобиографическое сочинение – повесть «Честь» (1937–1938).

Макаренко умер 1 апреля 1939 года (родился 13 марта 1888-го). Но и после смерти его педагогическая система продолжала своё победное шествие, которое возглавили ученики Антона Семёновича.

А в 1988 году ЮНЕСКО приняло решение, отмечающее заслуги четырёх педагогов, их методов, их способов педагогического решения в XX веке. Это американский философ и педагог Джон Дьюи, немецкий педагог Георг Михаэль Кершенштейнер, итальянский врач, педагог, католичка Мария

Монтессори и наш Антон Семёнович Макаренко.

2 АПРЕЛЯ

Вместе со мной в «Литературной газете» работал Константин Багратович Серебряков. Одно время он заведовал всей корсетью «Литературки».

Он был фанатом, фаном, как сейчас говорит молодёжь, писательницы Мариэтты Сергеевны Шагинян (родилась 2 апреля 1888 года).

Однажды редакции понадобилось взять у Шагинян интервью, не помню уж по какому поводу. Та в это время была в Армении. Но Константин Багратович не хотел передоверять это дело нашему соббору. Он отбил большую телеграмму Шагинян, где умолял её дать интервью ему. Он готов был вылететь ради этого в Ереван. Или поговорить с ней в Москве, если она планирует вернуться в ближайшее время. Телеграмма Шагинян была намного короче и была встречена в редакции взрывом хохота: *«Костя прилетаю Москву завтра звони согласна дать»*.

Эту телеграмму Серебряков хранил в нагрудном бумажнике. Показывал каждому, как полученное удостоверение кавалера высшего ордена.

А Мариэтта Сергеевна в это время была уже очень всеильной писательницей. Лауреат сталинской премии 3 степени за книгу «Путешествие по Советской Армении». Лауреат ленинской за тетралогию «Семья Ульяновых» и очерки

о Ленине. Герой соцтруда. Член-корреспондент АН Армянской ССР.

В своё время начинала тоненькой книжечкой любовных стихов. Но перешла на прозу. Быстро сообразила, кто есть кто после Октябрьской революции. Под псевдонимом «Джим Доллар» написала серию агитационных повестей «Месс-Менд». В 1930–1931 взялась за освещение социалистического строительства: писала роман «Гидроцентральный».

«Семья Ульяновых» якобы была изъята на двадцать лет из-за того, что Шагинян открыла калмыцкое начало в отце Ленина. Однако книга была написана до депортации калмыков. И не в калмыцком начале отца Ленина было дело, а в еврейском происхождении матери. Шагинян открыла, что фамилия матери Ленина Бланк и что мать была дочерью выкреста. Говорят, что Сулов, узнав от неё такую новость, сказал: «*Этого нам только не хватало!*» Но на двадцать лет никто эту книгу не убирал. Её Лениниана берёт начало в 1937-м.

Некогда в первой своей книжке она писала:

*В эту ночь от Каспия до Нила
Девы нет, меня благоуханней...*

Занявшись Ленинианой, она приблизилась к руководству.

А.С. Щербаков писал в 1935-м Молотову: «*В беседе со мной Шагинян заявила: «Горького вы устроили так, что он*

ни в чём не нуждается, Толстой получает 36 тыс. руб. в месяц. Почему я не устроена так же?...»

А чтобы так же устроиться, пишет не только о семье Лениных, пишет очерки о социалистическом производстве, о передовиках, о маяках и т. п. Избирается в Моссовет.

С детства она плохо слышит. Ходит с громоздким слуховым аппаратом. Кричит, приказывает. Если что не по ней, немедленно отключает аппарат.

В этом смысл эпиграммы:

*Железная старуха
Мариэтта Шагинян —
Искусственное ухо
Рабочих и крестьян.*

В годы войны опубликовала книгу публицистических статей «Урал в обороне». В послевоенные годы – книгу «По дорогам пятилетки».

Её «Дневник писателя (1950–1952)» меньше всего похож на писательский дневник, но больше всего на некие бюрократические письма, к тому же написанные по принципу «Фигаро – здесь, Фигаро – там». Везде за эти два года побывала Шагинян – у представителей разных профессий. Всех одарила ценными советами. Всем после встречи с ней стало легче работать.

Разумеется, такой «Дневник» просто жаждал для своего разбора фельетонного жанра. И фельетон не замедлил

явиться. Его написал Михаил Лифшиц, а напечатал Александр Твардовский в «Новом мире» (1954. № 2). Оба были наказаны. Лифшица перестали печатать. А Твардовского за статью Лифшица и ещё несколько в таком же духе сняли с поста главного редактора.

А на Шагинян льётся орденский звездопад. Она в фаворе у сильных мира сего. Кажется, что она, наконец-то, устроилась не хуже, чем когда-то Горький или Алексей Толстой. Во всяком случае, её собрание сочинений в 9 томах оплачивают не хуже, как некогда платили Толстому.

93 года прожила Мариэтта Сергеевна. *«Но, ах, никто не вечен»*. Умерла она 20 марта 1982 года.

* * *

Николай Михайлович Благовещенский (родился 2 апреля 1821 года) знаменит тем, что впервые открыл русскому читателю Персия, перевёл его сатиры с подробными объяснениями (1873).

А кроме того он напечатал брошюру «Ювенал» (1859) и перевёл три сатиры и этого римлянина.

Скончался Николай Михайлович 4 августа 1882 года.

Я его очень хорошо помню, когда он жил в Загорске. Он часто приезжал в Москву, заходил в «Литературную газету». Да и я ездил в Загорск от Бюро пропаганды в литобъединение при библиотеке Оптико-механического завода, – в литобъединение, которое он возглавлял.

«Он» – это Александр Самойлович Горловский. Я знал, что после войны он был арестован и выслан в Казахстан. А потом уже обосновался не в Москве, но в области.

Печатался он много. В том числе и с рецензиями на текущую литературу. Но больше всего его увлекала поэзия Серебряного века. Её он знал наизусть. У него была прекрасная память. Счастливы члены объединения, которые у него занимались, – он разработал для них специальную программу, сопоставимую с тем, что изучали у нас в Литинституте слушатели Высших литературных курсов.

О судьбе его родителей я узнал поздно. «Повесть о маме» опубликована в сборнике «Его именем названа библиотека», изданном в Сергиевом Посаде. А о его судьбе в лагере я прочитал в книге «Академия, или Несколько месяцев из жизни молодого человека начала 50 годов XX века» (1998).

Увы, всё это я прочитал после его смерти. Он умер 2 апреля 1988 года (родился 5 мая 1930-го). Прочитал и пожалел, что не так уж часто мы с ним встречались. Было бы о

чём его расспросить.

3 АПРЕЛЯ

Алексей Леонидович Решетов (родился 3 апреля 1934 года) – из семьи репрессированных. Отец расстрелян в 1937-м, мать после казахстанских лагерей была переведена во время войны на строительство Соликамского бумажного комбината. Позднее семья переехала в Березники (200 км от Перми).

Решетов начал писать стихи с 1953 года. В Союз писателей вступил в 1965 году после выхода его прозаической книги «Зёрнышки спелых яблок». Хотя к тому времени у него было несколько хороших поэтических книг.

Он поэт-лирик:

*Очевидно, кончается лето:
Приумолкли кукушки в лесу,
Покраснели листья бересклета,
Паутинки скользят по лицу.
Правда, дни непогожие редки,
И приятно бродить с кузовком,
Но вечерние тихие речки
Обдают погребным холодком.
Ночью ветры играют с овсами,
Звёзды падают каплями слёз,
И, наверно, не счесть за лесами
Не прижившихся на небе звёзд.*

Объяснять, чем хороши такие стихи, трудно. Они не поддаются прозаическому пересказу и в этом смысле сродни пейзажной живописи или музыке. В поэзии таким импрессионистическим стихом великолепно владел Фет. Решетов им владеет неплохо. Нет, разумеется, я не утверждаю, что Решетов – последователь Фета. У него свой – особый – взгляд на природу:

*Набродиться летними лесами,
Лечь в траву, вздохнуть и замереть.
И почти закрытыми глазами
В небо полудённое смотреть.
Ощущать цветов благоуханье
И лучей скользящее тепло,
Думать: это женское дыханье
Чудом в глушь лесную занесло.
И внимать земле и небосводу,
И, вернувшись в хмурое жильё,
Потерять, как женищину, природу,
Мучиться и сохнуть без неё.*

Конечно, есть у Решетова стихи и на другие темы. И всё же одухотворённый пейзаж – его родная стихия.

Умер Алексей Леонидович 29 сентября 2002 года.

Софья Абрамовна Могилевская (родилась 3 апреля 1903 года) одно детское время была моей любимой писательницей – автором «Марки страны Гонделупы».

Всё о ней я узнал уже после того, как прочитал любимую в детстве книгу. И что первой книгой её была «Лагерь на льдине» (1935) – о подвиге челюскинцев. И что Могилевская познакомилась с Иваном Кутяковым, чапаевским командиром, принявшим командование после смерти Чапаева. И что написала она повесть «Чапаёнок» (1938) после рассказов Кутякова.

Узнал я о том, что её первого мужа – инженера Александра Аронова арестовали на второй день войны 23 июня 1941 года. И через год расстреляли. А Могилевскую, несмотря на то, что недавно была издана её «Марка страны Гонделупы», которая принесла ей всесоюзную известность, выслали на поселение в Марийскую АССР. Она работает там в деревенском детском доме, где жили ссыльные крымские татары. Об этом Могилевская напишет в книге «Дом в Цибикнуре» (1949).

По окончании войны возвращена в Москву, где много и плодотворно пишет.

Позже, уже после её смерти узнал я о книге «Возвращение к юности», которую наследники издали в издательстве

«Знак» тиражом в 1000 экземпляров. Очень рекомендую.

И, наверное, неплохо было бы в память о талантливой писательнице пересмотреть фильм по её книге «Марка страны Гонделупы», снятый Юлием Файтом в 1977 году с Ией Савиной в главной роли.

Умерла Софья Абрамовна в 1981 году.

* * *

Николай Егорович Палькин (родился 3 апреля 1927 года) окончил Центральную комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ в 1955 году. С 1958-го член Союза писателей СССР. В 1966-м приглашён заведующим отделом культуры, литературы и искусства в областную партийную газету «Коммунист». В 1967 году избран ответственным секретарём саратовской писательской организацией, которой руководит 10 лет. В 1968 году окончил Балашовский педагогический институт. И в 1976 году назначен главным редактором журнала «Волга».

Ну что ж. К тому времени он был автором нескольких десятков книг поэзии, прозы и публицистики. На его стихи композиторы (в том числе и такие, как С. Туликов, В. Захаров, В. Левашов) написали немало песен. А его номенклатурное продвижение показывало, что в «Волгу» он пришёл надолго.

Увы, это не так. От обязанности главного редактора «Вол-

ги» он был освобождён уже в 1983 году. Причём освобождён за идейный прокол.

Дело в том, что писатель Михаил Алексеев написал роман «Драчуны», где, в частности, затронул тему голода 1933 года. Журнал «Наш современник» выдвинул роман на ленинскую премию. Понятно поэтому, что Николай Палькин ничем особенно не рисковал, когда поместил у себя в журнале (октябрь 1982) статью критика Михаила Лобанова, который особенно нажимал на те места в романе Алексеева, который не могли бы понравиться партийной верхушке.

Алексеев, поначалу обрадовавшийся статье Лобанова, почувствовав настроение в верхах, поспешил отмежеваться от критика. Тем более что пафос лобановской статьи заключался в том, что этим новым романом Алексеев поднялся над другими своими вещами и даже показал их фальшивость. Естественно, что такое прочтение исключало присуждение ленинской премии. Палькин же был вызван в партийные инстанции, где ему объяснили, что после такого уничтожения фактически всего творчества Алексеева, ему оставаться главным редактором нельзя.

Любопытно, что среди прочих премий, которыми удостоен Палькин, есть премия Саратовской области имени Михаила Алексеева, которую он получил в 2000 году.

В будущем Михаил Лобанов напишет статью, где поставит Палькина как редактора выше, чем А.Т. Твардовского. Поставит, конечно, без всяких на то оснований. Точнее, на

основании того, что Палькин напечатал ту статью – его, Лобанова.

А других причин тут и быть не может. Легко сравнить судьбу постоянно кровоточащего «Нового мира» и однажды оступившейся «Волги». Избиваемого, убиваемого и, в конце концов, убитого Александра Трифоновича Твардовского и снятого Палькина, который после отставки жил совсем не дурно. Получил, как видите, премию. И не одну. Прожил ещё двадцать лет. Умер 5 марта 2013 года.

4 АПРЕЛЯ

Кронид Аркадьевич Любарский (родился 4 апреля 1934 года) был автором идеи учреждения в 1974 году Дня политзаключённого.

По специальности астрофизик.

Ещё студентом МГУ (мехмат, отделение астрономии) в 1953 году был организатором первого в послесталинское время открытого коллективного письма протеста в «Правду».

17 января 1972 года арестован по делу «Хроники текущих событий» (во время обыска изъято более 600 документов, книг, рукописей). В октябре 1972 осуждён на 5 лет ИТЛ. Отбывал срок в Мордовии, а потом за систематическое нарушение режима переведён во Владимирскую тюрьму. В лагере стал автором идеи учреждения в СССР Дня политзаключённого, разработал вместе с товарищами концепцию его проведения и распространил эту идею по другим лагерям и тюрьмам. С 1974 года 30 октября стал отмечаться нелегально как день политзаключённого в СССР, с 1991 года в России этот день стал официальным Днём памяти жертв политических репрессий.

В 1977 освобожден и определён жить в Тарусу. Вместе с Мальвой Ланда и Татьяной Ходорович наследовал у арестованного А. Гинзбурга распорядительство основанного Сол-

женицыным Фонда помощи политзаключённым. Вошёл в советскую группу «Международной амнистии».

За это снова против него возбуждаются «дела». Сперва за «тунеядство», потом «за нарушение правил надзора», потом опять «за антисоветскую агитацию». В результате власти выдавили Любарского из страны.

В эмиграции издавал информационный бюллетень «Вести из СССР» – по одному выпуску раз в две недели в течение 14 лет. С 1984 года издавал журнал «Страна и мир».

После перестройки вернулся в Москву в составе международной комиссии, расследовавшей обстоятельства гибели при Сталине Рауля Валленберга.

Был среди защитников Белого дома в августе 1991 года. А в октябре 1993-го организовал оборону здания радиостанции «Эхо Москвы».

Входил в состав Конституционного совещания. После принятия Конституции оно было преобразовано в Общественную палату при Президенте, из которой Любарский вышел, протестуя против развязанной войны в Чечне.

Погиб 23 мая 1996 года, утонув в океане во время поездки на остров Бали.

Книги Любарского (в том числе его переписка с отцом Сергеем Желудковым) изданы в России.

Феликс Иванович Чуев (родился 4 апреля 1941 года) снискал себе известность как отъявленный сталинист и антисемит.

Вообще он считался поэтом, выпускал книги, композиторы писали на эти стихи песни, но стихи были плохими. И он в конце концов перешёл на прозу. То есть, он продолжал писать стихи, но гораздо больше стало появляться его прозаических книг: «Стечкин», «Ильюшин», «Молотов», «Сто сорок бесед с Молотовым» и, наконец, сборник любовных историй про Сталина «Солдаты империи. Беседы. Воспоминания. Документы».

В многотиражке московского отделения Союза писателей к 100-летию Сталина, опубликовал стихотворение, которое оказалось акrostихом: «Сталин в сердце». Здесь он не врал. Он действительно восхищался этим человеком, отвергал любую его критику, призывал Молотова в свидетели, что начало войны формировалось по мудрому сталинскому плану.

Однако его акrostих не остался без ответа. Ответил поэт Александр Ерёменко. И тоже акrostихом:

*Столетие любимого вождя
Ты отмечал с размахом стихотворца,
Акrostихом итоги подведя*

*Лизания сапог любимых горца!
И вот теперь ты можешь не скрывать,
Не шифровать любви своей убогой.
В открытую игра, вас тоже много.
Жируйте дальше, если Бог простит.
Однако все должно быть обоюдным:
Прочтя, лизни мой скромный акростих,
Если нетрудно. Думаю, нетрудно.*

Ерёменко не зря призывает Чуева «*лизнуть мой скромный акростих*»: прочтите сверху вниз заглавные буквы строчек и вы согласитесь: не зря!

После развала СССР часть бывших народных депутатов образовала самозванный Постоянный Президиум Съезда народных депутатов СССР, который возглавила Сажи Умалатова. Она награждала сторонников прежними советскими наградами и придуманными этим органом орденами. Так Феликс Чуев получил от Умалатовой звезду героя соцтруда.

Об этом есть почти в каждой сетевой заметке о Чуеве. Но одни честно указывают, что награда фальшива, а другие – без зазрения совести называют его героем соцтруда.

Умер Феликс 2 апреля 1999 года. Хоронили его как воина. Впереди всех наград (их, правда, у него было немного) на подушке лежала звезда героя соцтруда.

А куда она потом делась? Вот разыскания «Вечерней Москвы» от 25 мая 2012 года, корреспонденты которой побывали на Троекуровском кладбище:

*«На некоторых надгробиях сверкают Звезды Героев, полученные от сомнительных организаций. Так, например, одна из таких организаций наградила знаменитого советского поэта, писателя и публициста **Феликса Чуева** званием Героя Социалистического Труда». Так что с подушки звезда скакнула на надгробье!*

5 АПРЕЛЯ

Сергей Яковлевич Алымов (родился 5 апреля 1892 года) за участие в революционной деятельности был сослан в 1911 году в Енисейскую губернию на вечное поселение. Оттуда бежал в Китай. В конце концов, осел в Харбине.

Но в начале 1920-х довольно активно участвовал в литературной жизни Владивостока и Харбина. Писал стихи о Ленине, о Советской России.

Первая книжка «Киоск нежности» вышла в 1920-м. Стихи, собранные в ней, отдают ученичеством у Северянина, его эгофутуристической поэзией. Например:

*Звёзды – алмазные пряжки женских, мучительных
туфель*

Дразнят меня и стучатся в келью моей тишины...

Вижу: монашка нагая жадно прижалась к пуфу

Ярко-зелёной кушетки. Очи её зажжены.

Скинуто чёрное платье. Брошено на пол, как святость...

Пламя лампадки игриво, как у румына смычок...

*Ах, у стеблинных монахинь страсть необычно
горбата!..*

Ах, у бесстрастных монахинь в красных укусах плечо!..

Но подхожу к келье-спальне... Даже берёзки в истоме!

Прядями кос изумрудных кожу щекочит ствола...

Даже берёзка-Печалка молится блюду святому,

Но в 1937 году Пётр Семёнович Парфёнов был арестован и расстрелян. Авторство песни передали её редактору. Только в 1962 году ей возвращают подлинного автора. Причём для этого понадобился суд.

Заинтересовавшись этой историей, я много прочёл небольших статей об Алымове. И нигде не нашёл, что он хотя бы просил снять его имя с не принадлежащего ему текста.

Он погиб в автомобильной катастрофе 29 апреля 1948 года. И хотя в его честь одно время назывался ходивший по Волге пароход, нехороший осадок остался. Тем более что далеко не везде пишут: текст Парфёнова, отредактированный Алымовым. Попадают до сих пор и такие публикации, где сказано просто: текст Алымова!

6 АПРЕЛЯ

Александр Иванович Герцен (родился 6 апреля 1812 года) настолько известен, что нужды нет рассказывать его биографию, перечислять его художественные и публицистические вещи, характеризовать их.

Ограничусь его небольшой максимой – выпиской из дневника:

«Истинное, глубокое раскаяние очищает не токмо от события, в котором раскаивается человек, но вообще очищает от всей пыли и дряни, наносимой жизни. Небрежность людская позволяет насесть пыли, паутине на святейшие струны души, гордость не позволяет видеть, – паденье – и тотчас раскаяние (если натура не утратила благородства), человек восстанавливается, но гордости нет, нет сухости, в нём трогательная грусть – он стыдится и просит милосердия, он делается симпатичен падшему».

Умер Герцен 21 января 1870 года.

7 АПРЕЛЯ

Марка Александровича Поповского я встретил в доме творчества писателей в Малеевке. Мы быстро сблизились. Он дал мне прочесть рукопись его книги «Дело академика Вавилова». Уже тогда – а было это в начале семидесятых – меня поразило обилие документального материала. *«Как вам удалось его добыть?»* – спросил я. *«Секрет фирмы!»* – шутя ответил он. – *А если серьёзно, удалось раздобыть допуск в архивы обманным путём*». Но детализировать не стал: *«Я многих подведу, если назову фамилии»*, – объяснил. И я, естественно, не настаивал.

Но своё восхищение работой я ему тогда же и высказал.

Как я обрадовался, когда прочитал рецензию Сергея Довлатова на эту книгу. Она была издана в Нью-Йорке, куда уехал в эмиграцию Поповский.

Вот – цитата из Довлатова как раз по поводу того, что и меня интересовало:

«Я хорошо помню обстановку в редакции газеты «Советская Эстония», где мне довелось работать в начале 70-х годов. Если какие-нибудь материалы отдела науки казались редакционным цензорам непроходимыми, если герои научных очерков вызывали сомнение у начальства, сотрудники отдела бежали звонить в Москву Марку Поповскому, рассчитывая на его авторитет и связи, на его умение «проталкивать»

сомнительные статьи и корреспонденции. Мы умоляли Поповского о содействии, и, надо сказать, во многих случаях такая апелляция завершалась успешным результатом.

Однако лишь много лет спустя выяснилось, что официальная деятельность Поповского, его репутация чуточку строптивого, но в целом лояльного советского писателя была лишь частью его жизни, его человеческого и творческого облика. Укрываясь маской дерзкого, но в глубине души правоверного литератора, Поповский годами собирал материалы для своих главных книг, которые невозможно было издать в советских условиях, вёл образ жизни конспиратора и заговорщика, правдами и неправдами получая доступ к самым секретным источникам, черпая из них якобы лишь косвенные штрихи и детали для своих официальных книг. Кто-то, может быть, назовёт это «двойной жизнью» или «опасной игрой», а самые целомудренные читатели, возможно, усмотрят здесь и долю лицемерия, но так или иначе – лишь благодаря уму, ловкости, бесстрашию или хитрости Поповского (называйте это как угодно) в нашем распоряжении – многие подлинные и неопровержимые свидетельства, которые хранились, что называется, за семью печатями и казались советским властям – навеки похороненными... На этих документах построена лучшая книга Марка Поповского – «Дело академика Вавилова».

А конец рецензии Довлатова – просто подарок автору:
«Предоставим слово одному из благодарных читателей

нового произведения Марка Поповского:

«Книга показывает истинное, не искажённое официальной ложью, лакировкой и полуправдой величие Николая Вавилова...».

И дальше.

«...Я сожалею, что не был знаком с этой книгой, когда Марк Поповский находился ещё в СССР. Эти строки – дань моего уважения автору...»

Под этими словами стоит подпись академика Сахарова, прочитавшего книгу в самиздатской рукописи и переславшего свой отзыв на Запад летом 1978 года....».

Умер Марк Александрович 7 апреля 2004 года (родился 8 июля 1922-го).

8 АПРЕЛЯ

Владимира Александровича Соловьёва (родился 8 апреля 1907 года) я встречал в домах творчества. Как правило, они сидели за одним столом с Виктором Розовым, заядлым филателистом и картёжником.

Надо сказать, что по этой части Владимир Александрович не уступал Розову, и я, когда обнаруживал их каждый вечер в холле какого-нибудь этажа за картами, удивлялся: когда они успевают писать? Розов написал немало пьес, а уж Владимир Александрович их написал столько, что, кажется, не было в этот день в стране какого-нибудь театра, который не играл бы его пьесу.

Играли они, разумеется, не вдвоём: то Шток, если он в это время был в доме творчества, подсаживался. То Прут. Иногда Юлик Эдлис. Но Юлик не очень любил их игры. *«Крупно играют, – объяснял он мне, – так можно и без штанов остаться».*

Такие вещи Соловьёва не занимали. Деньги у него были и немалые. Однажды при мне дал партнёру 2 тысячи для продолжения игры.

Но, в отличие от Розова, почти невозмутимого, хотя когда проигрывал, злого, Соловьёв был очень шумным игроков. Его голос почти не смолкал.

Кто он такой? Драматург, как я уже сказал. Получил две

Сталинские премии. Обе 2 степени. За пьесу «Фельдмаршал Кутузов» в 1941-м и за пьесу «Великий государь» в 1946-м.

Его привлекали исторические темы. Причём свои пьесы он писал и в прозе и в стихах.

Кстати, «Великий государь» (о Грозном) он после смерти Сталина переделал. При Сталине он показывал, что Грозный просто обязан, как настоящий правитель применять насилие. После Сталина Грозный в его пьесе в основном кается за совершённые преступления.

Он всегда попадал, так сказать, в жилу. В 1938-м написал пьесу «Чужой» – о вредительстве в промышленности. В 1948 пьеса «Дорога победы» развивала модную тему о подпольщиках. Ещё раз он напишет о том же в 1958 в пьесе «Опасная профессия».

Словом, он всегда поспевал за временем. Но хорошим драматургом не был.

Розов, конечно, был выше него на много голов.

Но в картах больше везло Соловьёву, который скончался 30 января 1978 года.

9 АПРЕЛЯ

Лев Зиновьевич Копелев (родился 9 апреля 1912 года) рано окунулся в революционную борьбу. Уже в 1929-м его арестовали за сочувствие к троцкистско-зиновьевской оппозиции и продержали в тюрьме 10 дней.

В начале тридцатых он был одним из «тридцатитысячников», поехавших в деревню от Харьковского паровозостроительного завода имени Коминтерна, наблюдал за Голодомором. Позже описал свои впечатления в мемуарной книге «И сотворил себе кумира».

С 1938 года преподавал в МИФЛИ.

В 1941 году записался добровольцем в Красную армию. Служил переводчиком. В 1945 году Копелев арестован за резкие высказывания о насилии советской армии на территории Германии. Приговорён к 10 годам заключения, и оказался в «шарашке» Марфино, где встретился с Солженицыным.

В 1954-м освобождён, в 1956-м реабилитирован. Восстановился в партии. В 1957–1969 преподавал в Московском полиграфическом институте и Институте истории искусств.

С 1966 года активно участвует в правозащитном движении. В 1968 году исключён из партии и из Союза писателей, уволен с работы за подписание протестных писем против преследования диссидентов и советской агрессии в Че-

хословакии. Начал распространять свои книги через самиздат.

Дружил с Бёллем, благодаря которому устроился на работу в Веппертальский университет, когда его лишили советского гражданства. Позднее преподавал в Кёльнском университете, где стал почётным доктором.

В 1990 году советское гражданство Копелеву было восстановлено.

Свою жизнь описал в трёх книгах: «И сотворил себе кумира» (1987) – о детстве и юности, «Хранить вечно» – о конце войны и первом заключении и «Утоли моя печали» (1981) – так называлась церковь, перестроенная под «шарашку», где Копелев находился в заключении.

Надо отдать должное исключительной честности, с которой ведёт себя Копелев с Солженицыным. Удивительно, что, читая их полемику, кто-то может встать на сторону Солженицына. Всё, о чем пишет Копелев, документально выверено.

Так получилось, что, благодаря Копелеву, мир узнал прекрасного писателя (Копелев принёс и передал А. Берзер, которой доверял Твардовский, «Ивана Денисовича» для публикации в «Новом мире»). Но и благодаря Копелеву, мир узнал истинную нравственную сущность человека, который сам себя вознёс над человечеством.

Умер Лев Зиновьевич 18 июня 1997 года.

Леонид Николаевич Майков (родился 9 апреля 1839 года) – младший брат всех своих родных братьев.

Как и они, он тоже очень талантлив, целиком поглощён наукой. С 1868 года он профессор Археологического института. В 1882 назначен помощником директора Императорской публичной библиотеки. В 1889 году избран академиком, в 1893 году назначен вице-президентом Академии наук.

Занимался Русским географическим обществом, археологической комиссией, был редактором «Журнала Министерства народного просвещения» (1882–1890).

Важнейшие его работы посвящены литераторам XVIII века – Симеону Полоцкому, Ломоносову, Василию Майкову, Сумарокову, Крылову. Работы по истории русской журналистике, старинной русской повести, истории русских суеверий собраны в книгу «Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII в.» (1889–1893).

В 1889 году при содействии библиографа и историка литературы Владимира Ивановича Саитова вышло с величайшей тщательностью отредактированное собрание сочинений К.Н. Батюшкова. Приложенная к нему майковская автобиография поэта есть обзор литературной жизни Александровской эпохи.

В 1891 году систематизировал и отредактировал собрание

сочинений своего брата Валериана. Умер 20 апреля 1900 года.

Я не согласен с гипотезой Леонида Николаевича о возникновении русских былин. Он считает, что былины Владимиров цикла – отзвук исторической жизни киевского удельного периода. Я считаю, что речь в данном случае идёт о мифологии, а не о действительной истории. А с точки зрения мифологии, былины – это рассказ о стихийных явлениях. Богатыри – олицетворение этих явлений и отождествление их с древними славянскими богами. Но вместе с тем, признаю, что с аргументами Л.Н. Майкова надо считаться.

* * *

Андрея Кучаева я помню по постоянным визитам в клуб 12 стульев «Литературной газеты». Он (родился 9 апреля 1939 года) считался одним из лучших газетных «хохмачей», поэтому – где он, там и смех.

Андрей Леонидович многое умел: писал стихи, рассказы, сценки. Кроме того, он вёл студию, из которой вышли Игорь Иртеньев и Александр Кабаков.

После перестройки он написал книгу «Записки счастливого эмигранта» (2001). А одной из первых его фраз была: *«Мы умеем сжигать мосты не только за, но и перед собой».*

Он уехал в Германию в 1995 году. Напечатал там немало хороших произведений. Не хуже, чем печатал в России.

Умер в городе Оберхаузене 27 мая 2009 года.

10 АПРЕЛЯ

10 апреля 1937 года родилась замечательная русская поэтесса Белла Ахатовна Ахмадулина. Стихи её у многих на слуху.

Многие знают и о её невероятно мужественном поведении в советское время, когда она, казалось бы, ничего не боялась.

Воспользовавшись тем, что её выбрали в академики Французской академии, она подписывает этим почётным титулом письмо в адрес Академии Наук СССР, оскорблённая тем, что академия отказалась взять под защиту своего действительного члена – Андрея Дмитриевича Сахарова. И сколько таких писем и заявлений на счету у этой бесстрашной женщины!

Умерла она 29 ноября 2010 года.

* * *

У Владимира Викторовича Колесова (родился 10 апреля 1934 года) много наград и премий. Он заведует кафедрой русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского университета, автор более 500 работ по исторической акцентологии, исторической фонологии, исторической фонетики русского языка. Автор пятитомника «Древ-

няя Русь: наследие в слове» (2000–2001).

Но мне больше всего нравятся такие его книги, как «Занимательные рассказы из истории русского языка», «Как слово наше отзовется», «Старая пословица не даром молвится», «Гордый наш язык».

Владимир Викторович обладает талантом просто и очень интересно рассказывать читателю о русском языке. Причём читателем может быть и ваш ребёнок. Колесов пишет весьма доступно. Так что очень советую купить его книги детям. Если, конечно, вы сумеете их купить. В магазинах они не залёживаются.

11 АПРЕЛЯ

Всеволод Борисович Азаров в 1930 году на маневрах Перекопской дивизии познакомился с писателем Матэ Залкой. Тот дал семнадцатилетнему юноше рекомендацию в ленинградский журнал оборонной литературы «Залп». Приехав в Ленинград, Азаров вступает в литературное объединение Красной Армии и Флота. Его учителями становятся Н. Тихонов, А. Прокофьев, Вс. Рождественский.

В 1931 году Азаров публикует первое стихотворение. А в 1932-м первую книжку «Мужество». Вслед за ней, в 1933-м, – «Спать воспрещено». В 1936 году Азаров знакомится с немецким певцом Эрнстом Бушем, сочиняет русский текст для его «Песни народного фронта». Тогда же он замыслил поэму «Товарищ Тельман» (напечатана в 1956-м).

С начала войны работает корреспондентом в редакциях фронтовых газет в Кронштадте. Участвует в работе писательской группы при Политуправлении Балтийского флота, возглавляемой Вс. Вишневским. В осаждённом Ленинграде выходит книга очерков «Кронштадт ведёт бой» (1941) и книга стихов «Ленинграду» (1942). Вместе с Вс. Вишневским и А. Кроном в 1942 году пишет героическую комедию «Раскинулось море широко...»

После войны выпускает несколько лирических сборников, ведёт работу по межреспубликанским творческим свя-

зям, переводит поэтов народов СССР. Наконец, руководит литературным объединением «Путь на моря», откуда вышли несколько известных писателей-маринистов.

Он автор документальной повести «Всеволод Витальевич Вишневский» (1966, 1970).

Хороший он был поэт? Неплохой. Вот прочтите его стихотворение «Старое танго»:

*Весенний шум со всех сторон
Летел вдогонку.
А я был по уши влюблён
В одну девчонку.
И под небес голубизной
Необычайной.
Делилась музыка со мной
Своею тайной.
В тех незатейливых словах,
В простом звучанье,
Угадывался крыльев взмах
И обещанье.
Как будто звали паруса,
Морские мили...
О, эти чёрные глаза
Меня пленили.
Я вспомнил много лет спустя
Об этом миге
У композитора в гостях,
В старинной Риге.*

*Путь прошагав нелёгкий свой,
В ладонях слабых
Он поднимал над головой
Не бремя славы.
Смирняя каждый нотный знак
Своею властью,
Мелодию слагал чудак,
Нёс людям счастье.
Певучей прочности запас
Не знает срока,
Как Штраусом рождённый вальс,
Как танго Строка.
Стыл на ветвях весенний дым
И скрипка пела,
Прощаясь с мастером седым
В капелле белой.
И у березовых стволов,
В купели света
Мы вспоминали ту любовь,
Что недопета.*

Умер Всеволод Борисович 11 апреля 1990 года. Родился 14 мая 1913-го.

* * *

Ну что можно сказать о Курте Воннегуте? Что он один из известнейших американских писателей прошлого столе-

тия? Банальность! Что его романы выпускались в Советском Союзе большими тиражами? Опять банальность! Что его в Америке, быть может, любили меньше, чем у нас? Бана... То есть как «меньше»? С какой стати?

А вот с какой. Цитирую «Записные книжки» С. Довлатова:

«...с Гором Видалом, если не ошибаюсь, произошла такая история. Москвичи стали расспрашивать гостя о Воннегуте. Восхищались его романами.

Гор Видал заметил:

– Романы Курта страшно проигрывают в оригинале...»

Известно, что Довлатов был большим выдумщиком. Но в данном случае мог рассказать и правду. Известно ведь, что переводчицей Воннегута была Рита Яковлевна Райт-Ковалёва. Они дружили. Переписывались. Оба раза, когда в СССР приезжал Воннегут, они встречались. И в 1974-м. И в 1977-м.

«Если бы нужно было несколькими словами определить переводческий метод Райт-Ковалевой, – написал Корней Иванович Чуковский, – я сказал бы, что она добивается точности перевода не путём воспроизведения слов, но путём воспроизведения психологической сущности каждой фразы».

А русский, то есть переведённый на русский Курт Воннегут как раз такой психологической сущностью и отличается. Так что вполне возможно, что знаменитая «Бойня номер

пять, или Крестовый поход детей» на русском постигается глубже, чем на английском. Во всяком случае, я такую возможность допускаю.

Трудно удержаться от цитирования:

«— А ведь мы так и не знаем, какие отметки у Эли, — сказал доктор Ремензель. Сказал он это очень добродушно, словно заранее примирившись с мыслью, что особых успехов от Эли ожидать нечего.

— Наверно, вполне приемлемые, хоть и посредственные, — сказала Сильвия.

Этот вывод она сделала из отметок Эли в начальной школе, весьма посредственных, а то и совсем плохих.

Директор удивлённо посмотрел на них.

— Разве я вам не сообщил его отметки? — сказал он.

— Но мы с вами не виделись после экзаменов, — сказал доктор Ремензель.

— А моё письмо... — начал доктор Уоррен.

— Какое письмо? — спросил доктор Ремензель. — Разве нам послали письмо?

— Да, я вам написал, — сказал доктор Уоррен. — И мне ещё никогда не было так трудно писать... Сильвия покачала головой:

— Но мы никакого письма от вас не получали. Доктор Уоррен привстал — вид у него был очень расстроенный.

— Но я сам опустил это письмо, — сказал он. — Сам отослал две недели назад.

Доктор Ремензель пожал плечами:

– Обычно почта США писем не теряет, но, конечно, иногда могут послать не по адресу. Доктор Уоррен сжал голову руками.

– Вот беда... Ах ты, Боже мой, ну как же так... – сказал он. – Я и то удивился, когда увидел Эли. Вот не думал, что он захочет приехать с вами.

– Но он же не просто приехал любоваться природой, – сказал доктор Ремензель, – он приехал зачисляться в школу.

– Я хочу знать, что было в письме, – сказала Сильвия. Доктор Уоррен поднял голову, сложил руки:

– Вот что было написано в письме, и мне ещё никогда не было так трудно писать: «На основании отметок начальной школы и оценок на вступительных экзаменах должен вам сообщить, что для вашего сына и моего доброго знакомого, Эли, нагрузка, которая требуется для учеников Уайтхилла, будет совершенно непосильной. – Голос доктора Уоррена окреп, глаза посуровели: – Принять Эли в Уайтхилл и ожидать, что он справится с уайтхиллской программой, будет не только невозможно, но и жестоко по отношению к мальчику».

Тридцать африканских юношей в сопровождении нескольких преподавателей, чиновников госдепартамента и дипломатов из их стран гуськом прошли в зал.

А тут и Том Хильер с сыном, даже не подозревая, как худо сейчас Ремензелям, подошли к столику и поздоровались

с доктором Уорреном и с родителями Эли так весело, будто ничего плохого в жизни и быть не может.

— Мы с вами ещё поговорим, если хотите, — сказал доктор Уоррен, вставая, — но попозже, а сейчас мне надо идти. — И он торопливо пошёл прочь.

— Ничего не понимаю, — сказала Сильвия. — Совершенно ничего не понимаю.

Том Хильер с сыном уселись за стол. Том взглянул на меня, хлопнул в ладоши и сказал:

— Ну, что тут хорошенького? Здорово я проголодался! — И добавил: — Слушайте, а где же ваш мальчик?

— Вышел на минутку, — ровным голосом сказал доктор Ремензель.

— Надо его поискать, — сказала Сильвия мужу.

— Погодя, немного погодя, — ответил доктор Ремензель.

— А письмо! — сказала Сильвия. — Эли знал про письмо. Он его прочёл и порвал. Конечно, порвал! — И она заплакала, представив себе, в какую чудовищную ловушку Эли сам себя загнал.

— Сейчас меня абсолютно не интересует, что сделал Эли, — сказал доктор Ремензель. — Сейчас меня гораздо больше интересует, что сделают другие люди.

— Ты о чём? — удивилась Сильвия.

Доктор Ремензель встал, внушительный, сердитый, готовый к отпору.

— О том, что я сейчас проверю, насколько быстро мож-

но заставить некоторых людей тут, в Уайтхилле, переменить решение, — сказал он.

— Прошу тебя, — сказала Сильвия, стараясь его удержать, успокоить, — прежде всего нам нужно найти Эли, Сейчас же!

— Прежде всего, — прогремел доктор Ремензель, — нам нужно, чтобы Эли был принят в Уайтхилл. А потом мы его отыщем и приведём сюда.

— Но, милый... — начала было Сильвия.

— Никаких «но»! — сказал доктор Ремензель. — В данный момент тут, в зале, находится большинство членов попечительского совета. Все они — мои ближайшие друзья или друзья моего отца. Если они велют доктору Уоррену принять Эли, он будет принят. Раз тут у них есть место для вон тех типов, так уж для Эли, черт побери, место найдётся!

Широким шагом он подошел к ближайшему столику и стал что-то говорить могучему старику свирепого вида, который завтракал в одиночестве. Старик был председателем попечительского совета.

Сильвия извинилась перед растерянными Хильерами и пошла искать Эли.

Расспросив разных людей, Сильвия наконец нашла сына. Он сидел в саду один, на скамье под кустами сирени — на них уже набухали почки.

Услышав шаги матери по хрусткому гравию дорожки, Эли не тронулся с места, готовый ко всему.

– Узнали? – сказал он. – Или надо ещё объяснять?

– Про тебя? – сказала она мягко. – Про то, что ты не попал? Доктор Уоррен нам всё рассказал.

– Я порвал его письмо, – сказал Эли.

– Я тебя понимаю, – сказала она. – Слишком долго мы с отцом уверяли тебя, что твоё место в Уайтхилле, иначе и быть не могло.

– Фу, легче стало! – сказал Эли. Он попытался улыбнуться, и оказалось, что это не так трудно. – Честное слово, стало легче, раз уж всё открылось. Хотел вам рассказать, всё начинал, а потом духу не хватило. Не знал, как поступиться.

– Это я виновата, а не ты, – сказала Сильвия.

– А что делает отец?

Сильвия так старалась успокоить Эли, что совершенно забыла, чем там занимается муж. И вдруг поняла, что доктор Ремензель делает чудовищную ошибку. Она вовсе не хотела, чтобы Эли приняли в Уайтхилл, она сразу поняла, какая жестокость – отдавать его сюда.

Но она не решилась рассказать сыну, что именно затеял его отец, и только сказала:

– Он сейчас вернётся, милый. Он всё понимает. – И добавила: – Ты тут посиди, а я его найду и сейчас же вернусь.

Но ей не пришлось идти за доктором Ремензелем. В эту минуту в дверях показалась его высокая фигура: доктор увидел жену и сына в саду. Он подошёл к ним. Вид у него был

совершенно подавленный.

– Ну как? – спросила жена.

– Они... Они все отказали, – сдавленным голосом сказал он.

– Вот и хорошо! – сказала Сильвия. – Гора с плеч. Честное слово!

– Кто отказал? – спросил Эли. – Кто в чём отказал?

– Члены совета, – сказал доктор, отводя глаза. – Я просил их сделать для тебя исключение – изменить решение и принять тебя в школу.

Эли вскочил, сразу вспыхнув от стыда, от возмущения.

– Ты... ты что? – Голос его звучал совсем не по-мальчишески – он был вне себя. – Ты не должен был просить! – крикнул он отцу.

Доктор Ремензель покорно кивнул:

– Они тоже так сказали...

– Это неприлично! – сказал Эли. – Какой ужас! Как ты мог!

– Ты прав, – сказал доктор Ремензель, покорно принимая упрёки.

– Теперь мне за тебя стыдно! – сказал Эли и видно было, что он говорит правду.

Доктор Ремензель чувствовал себя глубоко несчастным и не знал, какие найти слова.

– Прошу прощения у вас обоих, – сказал он наконец. – Очень нехорошо вышло, нельзя было даже пытаться...

– Значит, Ремензель всё-таки попросил для себя поблажки! – сказал Эли.

– Наверно, Бен ещё не привел машину, – сказал доктор, хотя это было и так вполне ясно. – Давайте подождём здесь. Не хочу туда возвращаться.

– Ремензель просил лично для себя, как будто эти Ремензели что-то особенное! – сказал Эли.

– Не думаю... – начал было доктор Ремензель, но конец фразы так и повис в воздухе.

– Не думаешь чего? – переспросила Сильвия.

– Не думаю, – сказал Ремензель, – что мы ещё когда-нибудь сюда приедем».

Конечно, не владея английским, я не смогу дотошно оценить прелесть перевода. Но убеждён, что он выполнен Райт-Ковалёвой по крайней мере на уровне оригинала. С исчерпывающей психологической точностью каждой фразы.

Умер Курт Воннегут 11 апреля 2007 года. Родился 11 ноября 1822-го.

12 АПРЕЛЯ

Елизавета Ивановна Дмитриева (родилась 12 апреля 1887 года) с семи до шестнадцати лет была больна чахоткой. Из-за этого на всю жизнь осталась хромой. Училась прекрасно. Василеостровскую гимназию закончила с золотой медалью. В 1908 году окончила Императорский женский педагогический институт по двум специальностям: средневековая история и французская средневековая литература. Одновременно слушала лекции в Петербургском университете по испанской литературе и старофранцузскому языку. После чего непродолжительное время училась в Сорбонне, где познакомилась с Гумилёвым.

Вернувшись, преподавала русскую словесность в Петровской женской гимназии, печатала переводы из испанской поэзии в теософских журналах, посещала вечера на «башне» Вяч. Иванова, где завязалась её близкая дружба с М. Волошиным.

Лето 1909 года Дмитриева провела в Коктебеле у Волошина, где родилась идея литературной мистификации. В «Аполлоне» появляются стихи некой Черубины де Габриак, которые всем нравятся. Их приветствуют И. Анненский и Вяч. Иванов. Разоблачил Черубину М. Кузмин, выведавший телефон Дмитриевой. Следующая подборка Черубины заканчивалась стихотворением «Встреча», подписанная под-

линной фамилией Дмитриевой.

Это вызвало тяжёлую невралгию поэтессы: её разрыв с Гумилёвым и Волошиным, которые затеяли скандальную дуэль. Особенно оскорбило Васильеву утверждение искусствоведа и издателя журнала «Аполлон» С.К. Маковского, что за Дмитриеву писал Волошин. Она написала Волошину: «Я стою на большом распутье. Я ушла от тебя. Я не буду больше писать стихи. Я не знаю, что я буду делать. Макс, ты выявил во мне на миг силу творчества, но отнял её от меня навсегда потом. Пусть мои стихи будут символом моей любви к тебе». Дмитриева надолго оставила писание стихов.

В 1911 году она вышла замуж за инженера-мелиоратора Всеволода Николаевича Васильева и приняла его фамилию. После замужества много с ним путешествует. В основном по делам «Антропософского общества». Антропософия становится её серьёзным увлечением. И, видимо, проникает в стихи. Прежняя гладкость стиля сменяется обострённым чувством ритма. В основе новых стихов – духовность.

Но в России – советская власть. Как дворян, Васильеву с мужем арестовывают и высылают из Петрограда. Она оказывается в Екатеринбурге, где руководит объединением молодых поэтов, знакомится с Маршаком и пишет с ним пьесы.

В июне 1922 возвращается в Петроград, работает в литчасти театра юного зрителя, занимается переводами с испанского и старофранцузского. Пишет повесть для детей «Миклухо-Маклай». Уходит из театра и устраивается на работу

в библиотеку Академии наук.

В 1926 году во время репрессий по отношению к русским антропософам, её арестовывают, во время обыска забирают весь архив и ссылают на 3 года в Ташкент. В 1927 году, по предложению близкого друга последних лет, китаиста и переводчика Ю. Щуцкого, создаёт новую мистификацию – цикл семистиший «Домик под грушевым деревом», написанных от имени «философа Ли Сян Цзы», сосланного на чужбину «за веру в бессмертие человеческого духа».

Последним стихотворением Дмитриевой-Васильевой оказалось вот это:

*Прислушайся к ночному сновиденью,
не пропусти упавшую звезду...
по улицам моим Невидимую Тенью
я за тобой пройду...
Ты посмотри (я так томлюсь в пустыне
вдали от милых мест...):
вода в Неве ещё осталась синей?
У Ангела из рук ещё не снят крест?*

Оно датировано 12 июля 1928 годом. А 5 декабря 1928 года поэтесса умерла в Ташкенте.

* * *

Леонид Петрович Дербенёв (родился 12 апреля 1931 го-

да) прежде чем стал популярным поэтом-песенником, напечатал собственные (непесенные) стихи, переводил поэтов из советских республик.

Но, конечно, всё это не сравнится с текстами его песен. И даже не всех песен, а с теми, что звучат в фильмах Гайдая «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика», «Бриллиантовая рука», «Иван Васильевич меняет профессию».

Его песни исчисляются сотнями. Их исполняют и отдельные актёры и всякого рода ВИА.

И всё же выше всех я ставлю его песни из фильмов Гайдая. Умер Дербенёв 22 июня 1995 года.

* * *

Тита Михайловича Коржикова, крупного хозяйственника, отца Виталия Титовича Коржикова (родился 12 апреля 1931 года) арестовали и расстреляли в 1937-м, а мать много лет провела в лагерях.

Коржикова воспитывали родственники из Мелитополя. Во время войны они были в эвакуации в Алма-Ате. После войны вернулись в Мелитополь. Но попытка Коржикова поступить на факультет журналистики МГУ оказалась бесперспективной. Коржиков год проучился в Мелитопольском пединституте, а потом сумел перевестись в Московский государственный педагогический институт.

Распределили его на Сахалин, где он, помимо имевшейся уже профессии учителя, освоил профессию моряка. Там же стал публиковаться. В 1958 году выпустил первый стихотворный сборник «Морской конёк». После нескольких последующих книг стихов стал печатать повести для детей, которые принесли ему популярность: «Первое плавание» (1961), «Мореплавания Солнышкина», «Коготь динозавра» (обе – 1979), «Волны словно кенгуру» (1989).

Прекрасная полубыль-полусказка «Даёшь!» о приключении судна с годами разрослась в тетралогия.

Мне посчастливилось присутствовать на чтении Виталием Титовичем своих произведений детям. Был в командировке на Дальнем Востоке. Посоветовали сходить на авторский вечер Коржикова. Господи, с каким удовольствием слушали писателя дети. Как долго потом тормозили, расспрашивали о жизни, делились своим.

И хотя Виталий Титович к тому времени уже не писал стихов, хочется процитировать его «Кораблик совести». На мой вкус, Коржиков не только прекрасно прописал свой портрет, но и дал чудесную зарядку психике своего читателя:

*В начале давнего пути,
В начале повести
Ты подхватил меня: «Лети!» —
Кораблик совести!
Ты подхватил. А век дрожал,
А век неистовал.*

Но ты на совесть курс держал,

Своё насвистывал.

Нам рано выпало мужать

В сплошной бедовости.

Зато мы знали: так держать,

Кораблик совести!

И там, где в ярости крепчал

Заряд свинцовости,

И ты под рёбра получал,

Кораблик совести!

И нам под вызов: «Не скули!» —

Неуспокоенный,

Не раз случалось на мели

Хлебать пробоиной.

Но сколько б в жизни ни хлебал,

Дитя рисковости,

Ты выплывал, ты выгребал,

Кораблик совести!

Ты не был службой воротил

При густопсовости,

Хоть часто мачтами платил,

Кораблик совести.

Ты выносил не раз меня,

Чтоб с жизнью встретиться.

Три ходовых твоих огня

Повсюду светятся.

Быть может, я в конце пути,

Не лучшей повестью,

А ты плыви! А ты лети,

*Кораблик совести!
Кто б нам ни прочил укорот
В лихой суровости,
Живёт народ, пока живёт
Кораблик совести!*

Умер Виталий Коржиков 26 января 2007 года.

* * *

Первая жена Константина Симонова, который посвятил ей поэму «Пять страниц» (1938), Наталья Викторовна Соколова (родилась 12 февраля 1916 года) была племянницей известного литературоведа Лидии Яковлевны Гинзбург.

В 1938 году окончила Литературный институт. Выпускала книги в жанре фантастики или, как их лучше определяют, – в жанре городской сказки.

Но в последние годы жизни работала над большим мемуарно-архивным повествованием о своей жизни и о своих современниках.

Очень советую почитать «Осторожно, волшебное! Сказка большого города» (1981), «Два года в Чистополе 1941–1943. Литературные воспоминания» (2006).

Последняя книга – посмертное издание. Наталья Викторовна скончалась 25 сентября 2002 года.

Но если есть время, посидите в библиотеке над подшив-

кой журнала «Вопросы литературы», которые тоже в это время (начало нулевых) печатали воспоминания и письма Натальи Викторовны. Многие известные литераторы предстают в них по-новому.

13 АПРЕЛЯ

Кирилл Васильевич Пигарёв (родился 13 апреля 1911 года) – правнук Ф.И. Тютчева, сын Екатерины Ивановны, внучки поэта.

С 1932 году он – сотрудник мурановского музея. А в 1949–1980 – директор музея-усадьбы «Мураново» им. Тютчева. С 1949 он ещё и научный сотрудник ИМЛИ. Докторскую диссертацию защитил, однако, не по Тютчеву, а по Фонвизину.

Кстати, кандидатская у него была не по филологии, а по истории. И первая книжка, вышедшая во время войны «Солдат-полководец. Очерки о Суворове» (1943), была посвящена не литератору. О Фонвизине он выпустил книгу в 1954 году. Но после этого полностью сосредоточился на изучении своего прадеда.

О Тютчеве замечательную книгу написал зять поэта, писатель Иван Аксаков. В этом смысле книга Пигарёва «Жизнь и творчество Тютчева» (1962) – лучшая после аксаковской.

Остаётся пожалеть, что в «ЖЗЛ» обитает книга Кожинова о Тютчеве. То, что было добыто Аксаковым и Пигарёвым именно исследованием, Кожинов не то что проигнорировал, но вовсе дофантазировал.

Кирилл Васильевич является составителем и редактором академического двухтомника Тютчева. Печатать тексты

Тютчева – очень нелёгкое дело. Сам Тютчев к своим стихам относился равнодушно. Зачастую не читал даже корректуры. Так что перед правнуком возникали проблемы. Но он, великолепный учёный, многие из них решил.

Он же многое сделал для сохранения музея-усадьбы «Мураново». Это памятник русской дворянской культуры XIX-начала XX века.

В прошлом в Муранове (Подмосковье) жили находившиеся между собой в родстве семейства Энгельгардтов, Боратынских, Путят и Тютчевых.

До наших дней сохранился дом, построенный в 1842 году по собственным чертежам поэта Евгения Баратынского (поэт Боратынский взял себе литературный псевдоним: Баратынский).

Музей был открыт после смерти последней хозяйки Муранова О.Н. Тютчевой в 1920 году. В 1924 году его возглавил внук поэта Николай Иванович Тютчев. Он многое сделал для музея: нашёл и пополнил его экспозицию.

Ну, а поддерживал порядок в находящихся на территории усадьбы каменной церкви Спаса Нерукотворного (домового храма семьи Путят-Тютчевых), флигеля вдовы поэта Э.Ф. Тютчевой и так называемого детского домика Кирилл Васильевич Пигарёв, скончавшийся 19 мая 1984 года.

Читаю:

*«Терек, Терек, ты быстёр,
Ты ведь не овечка.
В порошок меня бы стёр
Этот самый речка.
И.А. Лермонтов (Пселдонимов)»*

Последняя строчка явно указывает на кавказский акцент. Но какая связь между горной рекой и овечкой?

*«Вот мельница. Она ещё не развалилась.
И.А. Пушкин (Пселдонимов)»*

Элегическая строчка, действительно похожа на какую-нибудь из пушкинского «Вновь я посетил».

Но кто этот Пселдонимов, подписывающийся то Лермонтовым, то Пушкиным, наделяющий обоих поэтов одинаковыми инициалами?

Это какой-то оставшийся ненужным Илье Ильфу персонаж. Может быть прообраз Никифора Ляписа? Во всяком случае, читать записные книжки Ильфа очень интересно: узнаёшь какие-то фразы из их с Петровым знаменитых романов – погружаешься в записи как в творческую мастерскую.

Илья Арнольдович Ильф прожил недолго – всего 39 лет. Умер 13 апреля 1937 года. Родился 15 октября 1897-го. Удивительно, как много сделал за небольшой отпущенный ему период времени этот человек. Его записные книжки показывают, что именно он, Ильф, был главным выдумщиком в славном тандеме.

И ещё.

Готовясь написать эту заметку, я перечитал их творчество – Ильфа и Петрова и обнаружил, что порой они ориентировались на совершенно определённые литературные образцы, которые легко опознавались в их текстах.

Например, водевиль «Сильное чувство»:

***Рита.** Водки, безусловно, не хватит. Три бутылки на пятнадцать человек! Это не жизнь, мама!*

***Мама.** Рита, ведь не все же пьют!*

***Рита.** Именно все, мама! Бернардов пьёт, Чуланов пьёт, Сегедилья Марковна пьёт, доктор, вероятно, тоже пьёт...*

***Мама.** А будет доктор? Мне что-то не верится. Лечить таким неприличным способом, этим ужасным буриданом...*

***Рита.** Оставьте, мама! Теперь все это впрыскивают! Значит, доктор, очевидно, пьёт. Лев Николаевич и Антон Павлович пьют, как звери. Стасик пьёт...*

***Мама** (в ужасе). Стасик пьёт?*

***Рита.** Как конь!*

Мама. Боже мой, Рита, что за выражение! Нет, это для меня ужасная новость – Стасик пьёт! Такой приличный, нежный молодой человек!

Рита. На месте Наты я никогда не вышла бы второй раз замуж. Лифшиц гораздо лучше Стасика!

Мама. Да, но Лифшиц почти еврей, Риточка, – караим!

Рита. Надо, мама, смотреть на вещи глубже. Караим – это почти турок, турок – почти перс, перс – почти грек, грек – почти одессит, а одессит – это москвич!

Мама. Я не против греков, но у Стасика большая комната!

Рита. Всё равно противно! Менять мужа из-за комнаты!

Мама. Но какая комната!»

Ну, разумеется, всё здесь взывает к чеховской «Свадьбе». Правы те исследователи, которые на это указывают. И ничто не предвещает их прославленной дилогии об Остапе Бендере.

Но штука в том, что водевиль написан *после дилогии!*

Кризис? Наверное. Ведь ничего лучше «12 стульев» и «Золотого телёнка» они не написали.

Но, читая «Записные книжки» Ильфа, видишь, как он нащупывает новые для себя с соавтором пути.

Другое дело, что время, в которое они жили, не способствовало развитию сатирических жанров.

Мне, например, совсем не нравится их «Одноэтажная

Америка». Понятно, что, создавая её, они, как это принято было, отрабатывали социальный заказ – подходили к незнакомой стране с уже готовыми шаблонами её опознавания.

Я знаю, что во время путешествия по Америке у Ильфа открылся туберкулёз, который и свёл его в могилу.

Но не потому ли открылась эта смертельная болезнь, что талантливый, остроумный, живой человек должен был проявлять невероятную осмотрительность, чтобы не выйти за отведённые ему рамки.

Помните, что писал Державин?

*Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой.
Пищит бедняжка вместо свисту,
А ей твердят: Пой, птичка, пой!*

Да, это старая российская болезнь, которую ещё Блок диагностировал применительно к Пушкину: отсутствие воздуха. От неё и сам Блок задохнулся. Похоже, что Ильфу тоже стало нечем дышать.

* * *

Владимир Фёдорович Саводник в 1898 году издал первый свой стихотворный сборник, а в 1900-м – первую свою научную книгу «Е.А. Баратынский».

Его «Очерки по истории русской литературы XIX века» (1906), «Хрестоматия по древнерусской литературе» (1908), «Краткий курс истории русской словесности. С древнейших времён до конца XVIII века» (1913) были в статусе официальных учебников. По ним преподавали до конца 20-х годов XX века.

И немудрено. Сам Саводник обучал словесности в различных институтах. В том числе и в Московском университете.

После революции Саводник заведовал отделом русской литературы в Румянцевском музее. Позже – в Историческом. Принимал участие в создании 90-томного Толстого. Подготовил комментарий (при участии М.Н. Сперанского) к «Дневнику А.С. Пушкина, 1833–1835. Подготовил со своими обширными комментариями издание «Анны Карениной».

Стихи он писал не часто. Порой – неплохие:

*Какая тишина! Лениво и несмело
За валом вал идёт к уснувшим берегам,
И небо яркое над бездной онемело,
Как обезлюдевший, залитый светом храм.
Вокруг – немой простор: спокойно дышит море,
И эхо чуткое в скалах забылось сном;
Один лишь дальний чёлн маячит на просторе,
Сверкая парусом, как трепетным крылом.
И радость тихая мне душу наполняет,
Как светлый благовест, услышанный сквозь сон,*

*И, точно лёд весной, тоска бессильно тает, —
И с новой верою гляжу на небосклон.
Но там, во мгле души, там, в тайниках сознания,
Она живёт ещё, печаль прошедших дней:
Так в глубине морской чуть видны очертанья
Разбитых бурей, погибших кораблей.*

Умер Владимир Фёдорович 13 апреля 1940 года. Родился
10 мая 1874-го.

14 АПРЕЛЯ

Наум Яковлевич Берковский (родился 14 апреля 1901 года) выдающимся литературоведом стал не сразу. Начинал как заурядный пролетарский критик, рапповец, напостовец, повинный, кстати, в трагической судьбе Леонида Добычина.

Но после того как он издал сборник «Текущая литература» (1930), заниматься текущей литературой бросил. И только во время войны опубликовал несколько небольших работ.

В дальнейшем главные увлечения Берковского – это Шекспир, Сервантес и Чехов.

Неслучайно, что после смерти Берковского (19 июня 1972) вышла его книга «Романтизм в Германии»: цикл исследований о немецком романтизме он опубликовал ещё до войны.

Ещё одно увлечение Берковского – театр. «Таиров и Камерный театр» (1962), «Драматический театр и дух музыки» (1965), «Станиславский и эстетика театра» (1968), «Литература и театр» (1969).

* * *

Светлана Александровна Кузнецова (родилась 14 апреля 1934 года) выпустила первую книжку стихов «Проталины»

в 1962 году в Москве с напутствием Александра Прокофьева. Дальше она выпускает небольшую книжечку с приветственным напутствием известного в то время критика Александра Макарова.

Поступает в Литературный институт. Оканчивает Высшие литературные курсы в 1965-м. По рекомендации А. Прокофьева её принимают в Союз писателей.

Вот – значительное достижение: стихи Кузнецовой замечает Твардовский и печатает в своём «Новом мире» стихотворение поэтессы «Мои родители».

Всё у Кузнецовой складывается благополучно. Книг выходит много. Её стихи, положенные на музыку, исполняет популярный дуэт Алла Йошпе – Стахан Рахимов.

Но, начиная с 1970 года – десятилетнее молчание. Что произошло?

Кузнецова вместе с писательской делегацией была в Ташкенте, где их принимал всесильный Шараф Рашидов. Все, кроме неё, встали, выпивая за хозяина республики. Она осталась сидеть, объясняя это неуважением к воровству, в котором подозревали Рашидова.

Только в 1982 году появился новый её сборник «Гадание Светланы». И – как прорвало. Опять печатается много стихов. Опять печатается много рецензий на её творчество.

Поэт Юрий Кузнецов, например, в статье «Под женским знаком?» проводит параллели между Габриеллой Мистраль, Мариной Цветаевой, Анной Ахматовой и Светланой Кузне-

цовой. А критик Вадим Кожинов называет лучшие стихотворения Кузнецовой самым значительным, что создано в русской женской поэзии после Ахматовой.

Она скончалась 30 сентября 1988 года.

Правы ли те, кто так восторгался её стихами? Об этом судить читателю. Вот одно из последних её стихотворений:

*На окраине русского края
Ничего у судьбы не молю,
В сером сумраке лет вспоминая
Тех поэтов, которых люблю.
Уходили они в неизвестность,
Приминая зыбучие мхи.
... Бессловесная наша словесность
Не такие не помнит стихи.
Не такая случалась погода.
Не такие творились дела.
Бессловесная наша природа
Не такие потери несла.
На окраине русской надежды,
На окраине русской беды
Я смыкаю усталые вежды,
И метель замечает следы.*

Кажется, Кузнецов хвалил однофамилицу не зря: стихи напоминают Кузнецова.

Владимир Нарбут – человек довольно сложной судьбы. В 1905–1906 году из-за болезни ему удалили пятку, он хромал до конца жизни.

Одно время сблизился с «Цехом поэтов».

В октябре 1912 года, чтобы избежать наказания за весьма скандальный сборник «Аллилуиа», воспользовался предложением Гумилёва и присоединился к его этнографической экспедиции в Сомали и Абиссинию. После амнистии по случаю 300 лет Дома Романовых вернулся на родину.

В Февральскую примкнул к левым эсерам. После Февральской стал склоняться к большевикам.

В 1918 семья Нарбута подверглась нападению банды. Рана, полученная Нарбутом была серьёзной: пришлось ампутировать кисть левой руки.

Весной в 1918-го отправлен в Воронеж для организации советской печати. В 1919 издавал в Киеве журналы «Зори», «Красный офицер», «Солнце труда». В октябре 1919 года был арестован контрразведкой белых как коммунистический редактор. Освобождённый при налёте красной конницы, вступил в РКП(б).

В 1920 возглавил одесское отделение РОСТА, редактировал журналы, подружился с Багрицким, Олешей, Катаевым. В 1921–1922 гг. – заведующий УкРОСТА в Харькове.

В 1922 году отошёл от поэзии, работал в Москве в Наркомпросе. Основал и возглавил издательство «Земля и фабрика» («ЗИФ»), основал ежемесячник «Тридцать дней».

В 1928 исключён из партии за сокрытие обстоятельств, связанных с его пребыванием на юге во время гражданской войны, одновременно уволен со всех постов.

Жил литературной подёнщиной. В 1933 году вернулся к поэзии.

26 октября 1936 арестован по обвинению в пропаганде буржуазного национализма. Осуждён на 5 лет. Этапирован в пересыльный лагерь под Владивостоком, потом – в Магадан.

2 апреля 1938 года проходит по новому делу. 7 апреля тройка оформляет обвинительное заключение. И в свой день рождения 14 апреля 1938 года (он родился в 1888) Владимир Иванович Нарбут был расстрелян.

Первое его посмертное издание стихов вышло в Париже в 1983 году.

Вот его стихотворение «Совесь»:

*Жизнь моя, как летопись, загублена,
киноварь не въётся по письму.*

*Я и сам не знаю, почему
мне рука вторая не отрублена...*

*Разве мало мною крови пролито,
мало перетуплено ножей?*

*А в яру, а за курганом, в поле,
до самой ночи поджидать гостей!*

Эти шеи, узкие и толстые, —
как ужаки, потные, как вол,
непреклонные, — рукой апостола
Савла — за стволем ловил я ствол,
Хватъ — за горло, а другой — за ножничек
(легонький, да кривенький ты мой),
И бордовой застит очи тьмой,
И тошнит в грудях, томит немножечко.
А потом, трясаясь от рясных судорог,
кожу колупать из-под ногтей,
И — опять в ярк, и ждать гостей
на дороге, в город из-за хутора.
Если всполошит что и запомнится, —
задыхающийся соловей:
от пронзительного белкой-скромницей
детство в гуцу юкнуло ветвей.
И пришла чернявая, безусая
(рукоять и губы набекрень)
Муза с совестью (иль совесть с музою?)
успокаивать мою мигрень.
Шевелит отрубленную кистью, —
червяками робкими пятью, —
тянется к горячему питью,
и, как Ева, прячется за листьями.

Николай Григорьевич Шкляр (родился 14 апреля 1878 года) окончил могилёвскую гимназию и юридический факультет Московского университета.

В Москве принимал участие в литературном обществе «Среда» (туда входили Вересаев, Куприн, Горький, Бунин и другие). Особенно подружился с Буниным.

Его первые детские сказки были хорошо приняты и читателями, и профессионалами.

В 1922 году в Харькове в русском драматическом театре была поставлена первая пьеса Шкляра «Мыльные пузыри». Музыка к ней написал И.О. Дунаевский.

В 1934 году Шкляр – делегат Первого съезда советских писателей. Причём в архиве НКВД среди кулуарных записей есть и реплика Шкляра, где он говорит о пролетарской литературе как о мертвящем шаблоне.

За два года до смерти Шкляра (23 января 1952 года) его повесть «Свет» внесена в список запрещённой в СССР литературы. Формально: потому что в повести встречаются контрреволюционные частушки.

Кажется, сейчас интерес к творчеству Шкляра возрождается. В 2006 году Самарский студенческий театр представил премьеру – пьесу Шкляра «Бум и Юла».

А в 2011 году издательство «Покидышев и сыновья» вы-

пустили аудиокнигу Шкляра «По дорогам сказок».

* * *

Владимир Иосифович Уфлянд в 1959 году провёл несколько месяцев в следственном изоляторе «Кресты» по обвинению в хулиганстве. Был рабочим сцены в Театральном институте, рабочим-оформителем в Эрмитаже. В 1964 году вместе с Михаилом Шемякиным, Владимиром Овчинниковым, Олегом Лягачёвым и Валерием Кравченко участвовал в запрещённой выставке художников-рабочих Эрмитажа.

Позже зарабатывал литературной подёнщиной: писал тексты детских телепередач, музыкальные куплеты. Работал в группе дубляжа на «Ленфильме».

В 1954–1956 посещал литобъединение филфака ЛГУ, участвовал в конференции молодых писателей Северо-Запада. И несколько его стихотворений вошло в её итоговый сборник «Первая встреча».

Но всё. Больше в официальной печати его не публиковали. Он ушёл в самиздат. Печатался в «Синтаксисе» (Гинзбурга), «Часах», «Обводном канале», «Митькином журнале». Вместе с одноклассниками Михаилом Ерёминым и Леонидом Виноградовым, а также с Сергеем Кулле образовал поэтическую филологическую школу. В 1977 году их стихи вышли в самиздатовском сборнике «УВЕК», названном по

первым буквам фамилий участников.

А настоящую первую книгу стихов «Тексты» издал в США в 1978 году. После перестройки издал в России ещё 3 книги стихов. И книгу прозы «Если Бог пошлёт мне читателей» (2000), за которую автор награждён премией Сергея Довлатова.

Но он не бедствовал. Постоянно писал стихи для детей и детских театров. Написал стихи к либретто «Волшебник страны Оз», к либретто по книге Корчака о короле Матиуше. Много переводил для дубляжа фильмов.

Умер Владимир Иосифович 14 апреля 2007 года. Родился 22 января 1937-го.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.